

ПРОЛОГ

г. Псков, июль 1950-го...

О том, что в городе будут снимать сцены для нового фильма об осаде Пскова войсками польского короля Стефана Батория¹, не раз писали в газетах, так что Катя Колесникова прекрасно знала о предстоящих съемках, и это до поры ее особо не интересовало. Однако вчера, когда Кате позвонила ее лучшая подруга Зинуля Резванова и сообщила, что несколько часов назад в город приехал сам Качинский и что именно он возглавит съемки, молодая женщина почувствовала, что ее сердце бешено заколотилось. Возможность увидеть легендарного режиссера за работой — это же что-то немыслимое, такое пропустить нельзя!

Зинуля Резванова, придерживающаяся на этот счет аналогичного мнения, откуда-то узна-

¹ Стефан Баторий — король польский и великий князь литовский (1533—1586 гг.).

ла, что съемки начинаются завтра, и авторитетно заявила, что любая уважающая себя современная женщина просто не вправе пропустить столь значимое событие.

Всеволод Качинский — заслуженный деятель искусств и лауреат Сталинской премии первой степени, сыскавший в мире отечественного кинематографа славу «второго Эйзенштейна», прошедший нелегкий путь от немого кино до современных звуковых полнометражных кинокартин, заслужил не только любовь зрителей, но и стал автором ряда работ по теории современной кинематографии.

Одна только возможность увидеть Качинского за работой заставила Катю тут же забыть о всех прочих делах, уговорить свое начальство на вполне заслуженный отгул и на следующий же день отправиться на место предполагаемых съемок.

Договорившись с Зинулей о предстоящей встрече в районе Троицких ворот Псковского кремля, где должны были начаться съемки, Катя, немного подумав, позвонила мужу и настоятельно попросила выкроить время, чтобы тот составил им компанию.

Как того и следовало ожидать, ее драгоценный супруг, старший лейтенант Псковского

управления милиции Венечка Костин, не выказал ни малейшего желания сопровождать Катю и вместе с ней стать очевидцем столь значимого и масштабного проекта. Выслушав предложение и сославшись на свою обычную занятость, Веня пожелал им с Зинулей хорошего отдыха и самым бессовестным образом повесил трубку. Катя нахмурилась и тоже бросила трубку.

Однако она тут же схватила ее снова, крутанула диск телефона, но, немного поразмыслив, все-таки не стала перезванивать. Катя медленно положила трубку на рычаг и клятвенно пообещала, что заставит мужа горько пожалеть об этом неосмотрительном поступке в самое ближайшее время...

*На следующий день
у Троицких ворот...*

Уже в половине девятого со стороны Довмонтова города к кремлю потянулся народ. Мужчины и женщины, дети и старики, надевшие в честь предстоящего события свои самые лучшие наряды, шли сегодня к главным воротам Псковского кремля как на праздник. Прибывшие посмотреть на съемки люди собрались вдоль натянутых по периметру красных лент, бурно обсуждали предстоящее событие, сме-

ялись и махали красными флажками. Часть предназначенного для съемок и поросшего сочной зеленью открытого участка перед городской стеной еще с раннего утра была оцеплена военными служащими местного пехотного полка. Это была лишь малая часть военных, которым предстояло обеспечивать предстоящее событие.

Одна из подруг Зинули Резвановой, чей муж проходил службу в вышеназванной воинской части, сообщила ей, что по приказу своего командира едва ли не весь личный состав полка сегодня будет играть роль статистов. Так что, по словам Зинули, сегодня им с Катей, как и еще доброй тысяче собравшихся у Кремля зевак, предстоит стать участницами настоящего костюмированного парада.

Когда вдалеке показались первые всадники, гул толпы заметно усилился. Восхищение и почти детская радость переполняли людей, глазевших на гарцующих рысью лошадок и, само собой, на их разряженных во всяческие причудливые одежды всадников.

Знаменитые летучие гусары короля Стефана — элитная кавалерия Королевства Польского шла в авангарде разноплеменного европейского войска, открывая этот своеобразный военный парад. Закованные в панцири, с пиками и са-

блями, гусары гарцевали на мощных конях, плавно покачивая импровизированными орлиными крыльями за спиной. Вслед за польскими гусарами показались венгерские и румынские конники в красных и зеленых кафтанах, в шапках с павлиньими перьями и попонами из леопардовых шкур. За ними тяжелым галопом проскакали едва ли не полностью закованные в доспехи немецкие рейтары. Вслед за немецкой кавалерией под гром барабанов, ревом труб и тамбуринов двигалась многочисленная пехота короля Стефана: литовцы, венгры, валахи, наемники из Франции, Германии и Шотландии — все это разноплеменное войско, которое когда-то сумел собрать под свои знамена амбициозный польский король, решивший во что бы то ни стало захватить и разорить очередную русскую твердыню — древний город Псков.

Несмотря на все великолепие польско-литовского войска, когда на смену «иноземцам-захватчикам» появились менее напыщенные и не такие разукрашенные воины московского царя Ивана Васильевича, зрители вновь воспарили, снова загалдели и заулюлюкали. Кое-где даже прозвучало громогласное русское «Ура!».

Всадники поместной конницы в острокопечных шлемах и кольчугах; царские татары на

коротконогих косматых конях со щитами и луками; казаки в стеганых тегилеях, с пистолетами и саблями на боку промчались в сторону крепости непринужденной рысью.

Завершало процессию войско царских стрелцов. В красных кафтанах и мохнатых шапках, неся на плечах тяжелые мушкеты и опираясь на бердыши, они шли широким походным шагом, волоча за собой несколько легких бутафорских пушек.

Когда статисты исчезли за городской стеной, толпа на какое-то время приутихла, но после появления двух черных автомобилей «ЗИС» и грузового фургона цвета хаки снова оживилась.

Когда первая машина поравнялась с линией оцепления, кто-то выкрикнул одно-единственное слово: «Качинский!» Зеваки подались вперед и вновь стали размахивать флажками. Немалую радость ощутили присутствующие, когда все три машины не въехали в ворота, а остановились возле них.

Когда из первого автомобиля вышли две хрупкие женщины и круглолицый очкарик в мешковатом костюме, Зиночка, стоявшая справа от Кати, тут же схватила подругу за руку:

— Кто это?

Стоявшая слева от Кати пергидрольная блондинка неопределенного возраста в темно-синем платье и соломенной шляпке тут же пояснила:

— Та, что в очках и берете, — Софья Горшкова, помощник режиссера! Рыженькая с косичками — Анечка Дроздова, его ассистентка...

— Сколько же ей лет? — удивилась Зинуля. — Она на школьницу похожа.

Блондинка в темно-синем усмехнулась:

— Зря вы так! Эта ваша так называемая школьница уже успела окончить ВГИК и смогла кое-чего добиться в кино. Если я не ошибаюсь, она с Качинским уже третью картину снимает.

Когда круглолицый очкарик подошел к помощнику режиссера Софье Горшковой и стал с ней что-то оживленно обсуждать, Катя не выдержала и спросила:

— Ну, а мужчина этот кто? Сложно представить, что это сам Качинский. Или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь! Фамилия этого деятеля кино — Уточкин... Дмитрий Уточкин! Он оператор, сами посмотрите.

Очкарик тем временем еще что-то сказал Горшковой, потом обошел машину и вынул из багажника массивную камеру.

Тем временем из грузового фургона выскочили трое крепких мужчин в серых халатах и стали выгружать аппаратуру. Уточкин тут же устремился к ним и, неуклюже размахивая руками, принялся руководить процессом. При этом из второго «ЗИСа» вышел высоченный, крепкого вида бородач в коричневом костюме, расправил плечи и закурил.

— А вот это, наверное, и есть Качинский, — тут же сделала вывод Зиночка. — Ничего не скажешь, очень представительный мужчина... сразу видно, настоящее светило.

Женщина в темно-синем платье укоризненно покачала головой:

— Насчет светила вы, милочка, не ошиблись! Этот импозантный здоровяк действительно личность довольно известная. Но только это не Качинский! Да как же так? Посмотрите на него. Неужели вы его не знаете?

— Это Дорохов! Он у Качинского чуть ли не во всех фильмах снимается, — проявила осведомленность Катя.

— Все верно! Это актер Борис Дорохов, он в новом фильме будет играть Василия Шуйского!

— А это еще кто? — тут же уточнила Зиночка.

— Шуйский?.. Это же царский воевода, который руководил обороной Пскова, — назидательно пояснила женщина в темно-синем платье. — Вы, я вижу, милочка, не только про деятелей кино не осведомлены, но и историю совсем не знаете.

— Нечего меня тут «милочкой» называть! — огрызнулась Зиночка и потащила Катю в сторону. — Пошли отсюда! Вот тоже пристала: историю я не знаю... Зато она, смотрю, все знает.

Они протолкнулись вперед и дошли едва ли не до самого ограждения. Здесь тоже все переговаривались, гадали и чего-то ждали.

Катя недовольно поморщилась:

— Зря мы сюда пошли, тут хуже видно. А тетка эта и впрямь — целый кладезь знаний! Если бы ты не раскапризничалась, она бы наверняка нам еще кучу всего интересного рассказала!

В этот момент из того же второго «ЗИСа» наконец-то вышел еще один мужчина, толпа снова загудела.

— А вот и он...

— Качинский...

— Да, это сам Качинский... — слышался шепоток со всех сторон.

Катя встала на носочки, вытянула шею: высокий, статный, в темных волнистых волосах уже всюду пробивается седина. Катя не раз видела знаменитого режиссера на фотографиях, но чтобы вот так, вживую... Девушка закусила губу.

Густые брови и довольно крупный нос с горбинкой, полные губы и пристальный прямой взгляд. На фото, которые ей довелось видеть, знаменитый режиссер был гораздо моложе. Однако, несмотря на годы, Качинский определенно был все еще в состоянии разбить немало женских сердец. На нем был идеально сшитый и тщательно выглаженный шевиотовый костюм цвета индиго, крепдешинный серый галстук и начищенные до блеска кофейные туфли-оксфорды.

Спустя примерно минуту, даже не посмотрев в сторону замершей от волнения толпы, Качинский сделал несколько шагов в сторону крепостной стены. Он поманил рукой свою помощницу Софью Горшкову и что-то принялся ей объяснять.

Держа одну руку в кармане брюк, Качинский второй рукой указывал то на высокую стену, то на башни, то на укывшееся за облаком солнце. Горшкова принялась записывать в блокнот, по-

том побежала к тому месту, где очкастый оператор по фамилии Уточкин вместе со своими помощниками уже устанавливал и настраивал аппаратуру.

Актер Дорохов, которому предстояло играть псковского воеводу, подошел к Качинскому и, тоже получив необходимые указания, исчез за пологом шатра, который расторопные грузчики уже успели установить в сторонке. Загудел мотор, и со стороны Довмонтова города подкатило целых три автобуса «Аремкуз», из которых высыпало едва ли не полсотни человек.

— То были статисты, а это все — основные актеры, — тут же предположил кто-то.

— А вот и нет! Это тоже статисты! Просто те, что вошли в крепость, покажутся позже, а эти будут играть первые дубли, а позже пойдут общие сцены. Так что не сомневайтесь, все эти, что попрятались в шатрах, тоже статисты. Да вы сами посмотрите, номера-то на этих автобусах псковские! А вот основных артистов из Москвы, что сыграют ключевые роли, прибыло, как я слышала, не больше десятка.

Катя обернулась и увидела каким-то образом снова оказавшуюся рядом ту самую женщину в темно-синем платье, которую так невзлюбила Зинуля.

— Откуда вы это знаете? — тут же усомнившись в достоверности сказанного, поинтересовался пожилой мужчина в серой панаме и в пенсне.

— У меня муж на радио работает! А к ним, как вы сами понимаете, новости раньше всех доходят! Скажу вам больше, мой муж после приезда Качинского самолично брал у него интервью, — заявила пергидрольная красотка, достала из сумочки пудреницу и припудрила нос.

Когда прибывшие на автобусах актеры разошлись по наскоро образовавшимся шатрам-гримерным, на вновь образовавшейся съемочной площадке все еще продолжалась работа. Оператор Уточкин тут же занял место у камер, кто-то устанавливал переносные светильники, кто-то тащил бутафорию, кто-то сваливал в кучу какие-то щиты с нарисованными на них картинками. Спустя пару минут из главного шатра в сопровождении довольно полной женщины с родинкой на щеке вышел актер Дорохов.

Оказывается, он уже успел сменить свой драпелюровый коричневый костюм на кованую кольчугу и латный доспех с заклепками. На голове у игравшего воеводу Шуйского актера был шлем с зеркалом. На боку, в черных кожаных ножнах, висела выгнутая дугой сабля.

Теперь чернобородый и статный Дорохов стал не добродушным здоровяком, он превратился в былинного Илью Муромца, способного в сей же час совершить ратный подвиг и сразиться с поганым Идолищем, сокрушить Жидовина или, на худой конец, пленить все того же Соловья-разбойника.

Дорохов расправил плечи, достал из кармана пачку сигарет и закурил от бензиновой зажигалки. Это вызвало у зрителей смех. В ответ актер понимающе помахал публике и приложил руку к воображаемому козырьку своего остроконечного шлема.

Тут же, как по волшебству, из других шатров стали выходить другие актеры в кольчугах, латах и стеганых кафтанах. Они тоже салютовали публике и с улыбками занимали свои места. Зрители ликовали, хлопали в ладоши и одобрительными криками подбадривали актеров.

Прошло какое-то время. Качинский снял пиджак, уселся в раскладное кресло, в руках у него откуда ни возьмись появился огромный, сияющий начищенной медью рупор.

— Начали! — воскликнул седеющий красавец-режиссер и откинулся назад.

Рыжеволосая ассистентка Качинского Анечка Дроздова шелкнула «хлопушкой», звонким

голоском объявив о начале первого дубля. Что-то снова шелкнуло, зажглось, заскрипело. Камера, установленная на импровизированных рельсах, дрогнула и покатила в сторону крепостной стены. Актеры пришли в движение, Дорхов-«Шуйский» выхватил из ножен саблю и принялся сотрясать ею над головой. Катя снова встала на носочки, сжала кулачки, и в тот же миг вдруг раздался женский визг, который перевернул все с ног на голову...

На миг все как будто замерло, вышли из привычного ритма, потом как-то беспомощно засуетились. Спустя мгновение снова раздались крики. Большинство статистов, еще не понимая, что случилось, бросились к тому самому месту, где только что в кресле сидел Качинский. Режиссера охватили кольцом, спустя мгновение очень громкий женский голос закричал:

— Врача! Скорее позовите врача!

Зрители загудели и хлынули вперед. Солдаты из оцепления хоть и не без труда, но все же сумели остановить толпу. Все тот же женский голос снова закричал:

— Врача!!! Он же умирает! Немедленно вызывайте врача!

Катя не сразу поняла, что случилось. Кто-то толкнул ее в спину, она обернулась, но тут

ей наступили на ногу. Катя ойкнула. Зиночка, которая только что была совсем рядом, вдруг куда-то исчезла. Катя искала подругу глазами и наконец увидела, как ту оттеснили в сторону метров на десять. Толпа снова зашевелилась, бойцы из оцепления требовали отступить назад, и именно в этот момент Катя наконец-то пришла в себя.

— Пропустите! Сейчас же пропустите меня... я врач!

Какой-то мужчина в коричневой кепке букле тут же рванулся к ней.

— Вы в самом деле врач?

— Да!

— Тогда вам нужно пробраться сквозь эту толпу!

— Ну так помогите же мне!

Парень кивнул и зычно рявкнул:

— А ну посторонись! — И, схватив Катю за руку, потащил ее к городской стене. Их поддерживали, и вскоре они сумели добраться до ленточных ограждений.

— Пропустите эту девушку, она врач! — крикнул парень молоденькому белобрысому солдатику из оцепления.

Тот испуганно огляделся по сторонам и отступил, пропуская Катю и ее случайного по-

мощника вперед. Спустя несколько мгновений члены съемочной группы и актеры, образовавшие кольцо, расступились, и Катя увидела лежащего на траве и корчившегося в судорогах Качинского.

— Отойдите!.. Отойдите сейчас же!

Катя упала на колени. Качинского трясло. Катя пощупала пульс, потом оттянула больному веко.

— Ярко выраженная геморрагия сетчатки! Пульс учащенный! Судороги... — Она не успела договорить — Качинский дернулся, и его вырвало.

— Живот! Как будто ножом режет, — прохрипел режиссер, продолжая трястись и корчиться от боли.

— Срочно принесите воды! А лучше чего-нибудь вязкого...

— Что вы имеете в виду?

Катя увидела рядом с собой Горшкову.

— В идеале — льняной раствор, можно кисель!

— Да где же я вам сейчас киселя возьму? — чуть не плача простонала Горшкова.

— Тогда просто принесите воды... много воды!

Горшкова тут же исчезла, и в этот момент послышался вой санитарной сирены.

Спустя несколько секунд карета «Скорой помощи» остановилась метрах в десяти от места происшествия. Сухощавый врач в потрепанном халате и в толстых роговых очках тут же подбежал к больному.

— Так! Кто вы такая? Вы врач?

Катя кивнула и нехотя отступила.

— Это определенно отравление сильным токсином! Ему срочно нужно сделать промывание желудка и не помешает переливание крови!

— Я вас понял! — сухо ответил врач и повернулся к прибывшим с ним санитарам: — Носилки! И побыстрее...

Спустя несколько минут, все так же воя сиреной, машина «Скорой помощи» сорвалась с места, увозя с собой все еще стонущего от боли московского режиссера Всеволода Качинского.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Киношники

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Неделя была бешеной, но они неплохо поработали, раскрыв две квартирные кражи и взяв с поличным банду спекулянтов, орудовавших в Завеличье и в Крестах.

Сегодня наконец-то выдался спокойный денек. Начальник оперативного отдела псковской милиции Павел Зверев и трое его оперативников, благополучно разобравшись со всеми рапортами и отчетами, сидели у себя в отделе и изнывали от жары и скуки. Нисколько не смущаясь присутствием своего непосредственного начальника, Дима Евсеев и Шура Горохов играли в шахматы. Веня Костин от скуки читал новый Дисциплинарный устав, сам же Зверев, показывая своим подчиненным дурной пример, бесцеремонно закинул ноги на рабочий стол и чистил ногти заостренной спичкой.

На прошлой неделе, как и в прежние добрые времена, Павел Васильевич наконец-то выкроил время и посетил довольно приличную заку-

сочную на Троицкой, где сумел познакомиться с хорошенькой шатенкой Сонечкой Мосиной.

Сонечка работала пекарем-кондитером на местном хлебозаводе, однако, вопреки устоявшимся стереотипам, не отличалась пышной фигурой, напротив, — была очень подвижна и стройна.

Около тридцати... Начитанна и не особо эмоциональна... С чувством юмора и без лишних комплексов...

Тем не менее Зверев потратил неделю, водя Сонечку в кино. Они посетили драмтеатр, где показывали «Касатку» режиссера Григорьева. Вчера же Павел Васильевич рискнул пригласить приглянувшую ему красавицу в ресторан. Та, немного поломавшись, согласилась.

Результатом этого стало то, что Сонечка наконец-то решила посетить «логово Зверя» (именно так Павел Васильевич частенько называл свою холостяцкую квартиру). Они слушали патефон, пили не самый дешевый коньяк, и в итоге Сонечка осталась у Зверева до утра. Именно по этой причине начальник оперативного отдела псковской милиции Паша Зверев сейчас жутко хотел спать и то и дело время от времени зевал.

В дверь постучали.

— Кто там еще? Входите, не заперто! — крикнул Зверев, даже не подумав при этом снять ноги со стола.

Дверь открылась, и в кабинет вошел невысокий паренек в сереньком костюмчике и с комсомольским значком на груди. В руке он держал потрепанный кожаный портфель.

— Здравия желаю! Мне к майору Звереву. Разрешите войти?

Зверев сурово оглядел незваного гостя. Прищуренный взгляд, зачесанная назад пышная шевелюра, округлые щечки с ямочками, пухлые губы — эдакий маменькин сынок.

— Ну, я Зверев, а ты кто такой?

— Курсант Горьковской школы милиции Комарик, прибыл к вам в отдел на стажировку. — Паренек достал из кармана очки и водрузил их на нос.

— На стажировку? К нам? А Корнев в курсе?

— Так точно, товарищ майор! Он меня к вам и направил.

Зверев хмыкнул:

— Горьковская школа, говоришь?

— Там база для обучения очень хорошая, — пояснил Комарик.

— И чему же вас там учат, в вашей школе милиции?

— Обучение включает в себя: административное право, криминалистику, партийно-политическую работу, историю государства и права, государственное право, уголовное право, уголовный процесс. Ну и, разумеется, общеобразовательные дисциплины — русский язык, литературу, математику, логику и психологию.

— Вот психологов нам как раз и не хватало, — ухмыльнулся Шура Горохов. — А Комарик — это фамилия?

Парень явно смутился:

— Фамилия... Что с того?

Шура негромко гыкнул.

— Да так... ничего! А как звать?

— Игорь... Игорь Евгеньевич.

— Игорек, значит.

Гость пожал плечами:

— Ну можно и так.

Горохов продолжил свои расспросы:

— Если ты из Горького приехал, то где жить собираешься? В нашем общежитии, я слышал, мест сейчас нет.

Парень принялся объяснять:

— Я ведь в Горьком только учусь, а сам я местный. Вот в Горьком я в общежитии живу, а сейчас остановился у себя дома, на улице Ленина.

— Наверное, с папой и мамой, — снова усмехнулся Шура.

Комарик снова замялся:

— Ну да... Живу с родителями.

Шура прыснул в кулак. Зверев строго посмотрел на подчиненного, тот тут же затих.

— Ну, что ж, добро, как говорится, пожаловать! Садись пока здесь, устраивайся.

Зверев указал на свободный стул, где раньше сидел переведенный еще полгода назад старший оперуполномоченный Александр, Саня, Зорин.

— Спасибо, — ответил стажер, положил на стол свой портфель, достал из него авторучку, химический карандаш, несколько общих тетрадок и положил на стол.

— Что это у тебя за макулатура? — указав на тетради, поинтересовался Горохов.

— Конспекты. Тут, конечно, не все, а только самое важное. Остальное завтра принесу.

Горохов снова прыснул в кулак, но ничего больше не сказал.

Стажер, поправив очки, поинтересовался:

— Итак, чем порекомендуете мне заняться?

— А тебе поработать хочется? — наконец-то сняв со стола ноги, спросил Зверев.

— Разумеется!

— Веня, дай ему свою книжонку, пусть изучает!

Костин, не вставая со стула, бросил на стол новичку устав, тот повертел его в руках и, не открывая, отложил в сторону.

— Знакомая книжица. «Дисциплинарный устав милиции», введен приказом министра внутренних дел СССР в июле сорок восьмого. Может, я лучше чем-нибудь полезным займусь?

— Хочешь сказать, что эту, как ты сказал, книжицу, ты знаешь назубок? — ухмыльнулся Веня.

— Довольно близко к тексту!

— Ого! — Веня встал, взял у стажера устав и открыл его на первой попавшейся странице: — Тогда давай тебя проэкзаменуем! О чем сказано, ну скажем, в десятой главе?

— О поощрениях, применяемых к лицам рядового и младшего начальствующего состава милиции, — без запинки ответил стажер.

— И какие же это поощрения?

— Благодарность, снятие ранее наложенного взыскания, награждение похвальными листами и занесение на Доску почета. — Игорек снова поправил очки.

— Так, что еще?

— Награждение ценными подарками и деньгами, а также повышение в звании.

— Во дает студент! — ухмыльнулся Горохов, которому только что был объявлен шах.

— Вам лучше не трогать ладью, а то через два хода вам поставят мат, — непринужденно посоветовал Шура стажер.

— Как мат? — удивился Шура, но ладью при этом все-таки взял в руки.

— Раз коснулся, значит, ходи! — тут же засуетился Евсеев.

Шура махнул рукой и, как и планировал, прикрыл своего короля ладьей. Евсеев тут же перенес ферзя на белое поле и через пару ходов и в самом деле поставил сопернику мат. Шура чертыхнулся и стал складывать шахматы в коробку.

В этот момент зазвонил телефон. Веня подошел к столу и снял трубку:

— Оперуполномоченный Костин. Слушаю. — Нахмурился, потом сказал: — Да подожди ты... — Спустя еще примерно десять минут произнес лишь одно слово: «ладно» — и повесил трубку.

— С кем это ты так? — поинтересовался Горохов.

— Скорее всего, вы разговаривали с женой! — тут же вместо Вени ответил Игорек.

— И как ты догадался? — не без ехидства поинтересовался Веня.

— Вы разговаривали почти пятнадцать минут, при этом сказали лишь несколько слов, на вашем лице было недовольство. Вы несколько раз набирали воздуха в грудь, но так и не решились перебить собеседника. Это навело меня на мысль, что вы говорили либо с начальником, либо с женщиной. Майор Зверев, ваш непосредственный начальник, сидит здесь, и если бы в отдел позвонил, скажем, ваш начальник управления полковник Корнев, то он наверняка не стал бы так долго тиранить вас, а пригласил бы к телефону Павла Васильевича. Выходит, что версия с начальником отпадает. Судя по тому, что собеседник говорил без умолку, вполне резонно предположить, что версия с женщиной более вероятна. У вас на пальце кольцо, значит, вы женаты. Таким образом...

— Все! Хватит тараторить! — огрызнулся Костин. — Ты хоть и не женщина, но тоже болтаешь без продыху!

Веня подошел к распахнутому окну, достал из кармана пачку «Явы» и закурил.

— Что Катя сказала? — со своим обычным беззвучным смешком спросил Зверев.

— Да чего она может сказать? Сказала, что ходила на съемки и там какому-то Качинскому стало плохо...

— Что? Качинскому? Режиссеру? — тут же воскликнул Горохов.

— Может, и режиссеру, почему мне знать. Сказала, что вроде как отравили его...

— И сильно отравили? — тут же стерев с лица ухмылку, спросил Зверев.

— Не знаю! Говорит, что сильно!

— Так он хотя бы живой?

— Когда его на «Скорой» увозили, был живой.

Зверев покачал головой:

— Качинский — известный режиссер из Москвы. Светило современной кинематографии. Если его действительно отравили, тем более если он умер, наверняка уже началась такая шумиха, что никому мало не покажется.

В этот момент снова зазвонил телефон. Зверев подошел к аппарату и, не снимая трубки, с ухмылкой спросил молодого стажера:

— Ну что, Игорек? Хочешь еще раз продемонстрировать нам свою проницательность?

Комарик оживился:

— Конечно, хочу.

— Можешь сказать, кто звонит на этот раз?

— Думаю, что на этот раз звонит уже начальник управления. Раз случилось такое, значит, с шахматами и изучением устава нужно

завязывать, потому что у нас у всех появится работа!

— Молодец, Игорек... хвалю!

— Ну что вы, ту несложно же было догадаться, любой бы на моем месте...

— Умный, но скромный! Дерзости вот только тебе не хватает, но это мы исправим! Так что, думаю, мы сработаемся. — Зверев наконец-то снял трубку: — Здравия желаю! Слушаю вас, товарищ полковник!

* * *

В кабинете начальника псковской милиции Степана Ефимовича Корнева, помимо самого полковника, сидел довольно грузный, можно даже сказать, толстый, темноволосый мужчина в строгом костюме и в галстук.

Зверев вошел в кабинет и тут же самым бессовестным образом спросил:

— Степан Ефимыч! Ты зачем это без моего ведома мне стажера прислал?

— Что значит «зачем»? — удивился Корнев. — Сам же говорил, что у тебя работы — по уши!

— Хм... — Вспомнив, чем он сам и его подопечные занимались последние несколько часов, Зверев не нашел, что возразить.

— Раз работы много, значит, тебе люди нужны! А этот Комарик — парень толковый, знаешь, какие у него характеристики! Неужели он тебе не приглянулся?

— Твой Комарик — не красная девица, чтобы мне приглянуться... В принципе, мы его тут порасспрашивали, парень вроде бы толковый...

— Ну а я что говорю!

— Ладно, будем считать, что с этим разобрались! Говори, чего звал.

Корнев представил Звереву своего грузного гостя:

— Познакомься, Павел Васильевич, это — Арсений Иванович Головин из Москвы. Ты знаешь, что у нас в городе идут съемки нового фильма об осаде Пскова?

Зверев прошел к стене и плюхнулся на свой любимый диван.

— Что-то такое слышал.

Корнев сжал кулаки, поежился и продолжил:

— Так вот, Арсений Иванович отвечает за съемку данного фильма...

— Я слышал, что фильм снимает Качинский.

— Качинский — режиссер, а я директор картины. Я работаю на «Мосфильме» и отвечаю за работу всей съемочной группы, кроме того, за-

нимаюсь финансовыми вопросами, — тут же принялся пояснять Головин.

— А теперь кто-то отравил вашего режиссера.

— Откуда ты это знаешь? — тут же поинтересовался Корнев.

— Газеты надо читать!

— Не ври! В газетах писали про фильм, но не про Качинского!

Зверев отмахнулся:

— Ну не писали, а я вот, тем не менее, про это знаю! Так что там с Качинским? Надеюсь, жив?

Корнев походил на вскипевший самовар, а Головин тяжело вдохнул, достал из кармана носовой платок и вытер им вспотевший лоб.

— Всеволод Михайлович в местной больнице. Он без сознания. Врачи борются за его жизнь, но боюсь, что дело плохо.

— И вы полагаете, что это покушение?

— Разумеется! Кто-то решил помешать съемкам. А ведь о скорейшем завершении и показе фильма настаивает сам Верховный. — Головин при этом поежился. — Так что, возможно, это диверсия.

— Все ясно. Что еще?

— Фильм уже практически снят, хотя мы до сих пор еще не определились с названием. Сюда

мы прибыли, чтобы отснять основную часть батальных сцен, используя в качестве декораций местный кремль, чтобы придать киноленте, так сказать, более натуральный вид. Это грандиозный проект, в котором задействованы статисты из местных, в Псков доставлены несколько сот специально изготовленных костюмов, оружие и доспехи того времени. Также сюда прибыли часть съемочной группы и несколько актеров. Но это лишь малая часть творческой группы, основная масса должна была прибыть позже, а тут такое...

— А те, кто уже прибыл, их сколько?

— Что касается творческой группы, то если считать меня и Качинского, то нас восемь.

— А актеры?

— Пока что здесь, как я уже сказал, лишь несколько человек. Если не ошибаюсь, то всего их семь.

— И где же вы все остановились?

— Всех нас поселили в общежитии, в котором, как выяснилось, когда-то был монастырь. Это место находится в непосредственной близости от крепостных стен, где должна была проводиться съемка. Видимо, именно поэтому ваше городское начальство отвело это общежитие для нашего проживания.

— Вы кого-то подозреваете?

— Что вы, боже упаси!

— Я уже отдал приказ выписать ордера, сейчас наша дежурная группа обыскивает комнаты, в которых проживают актеры и съемочная группа, — слегка успокоившись, сообщил Корнев.

— И что же они ищут?

— Яд, разумеется.

Зверев снова покачал головой:

— Ну что ж, посмотрим, что дадут эти поиски. Итак, товарищ из «Мосфильма», что же вы хотите от меня?

Головин запыхтел и быстро-быстро заговорил:

— Если Качинский не придет в себя, мне придется уехать в Москву искать ему замену. По решению руководства киностудии прибытие в Псков остальной части творческой группы и актеров пока приостановлено. Те же, кто уже прибыл, находятся в шоковом состоянии, а это может сорвать съемки. Для того чтобы хорошо играть, актерам нужно погружаться в роль, а как они это сделают, если будут бояться, что их жизни что-то угрожает. Мне сказали, что вы — лучший сыщик в этом городе. Прошу вас в самые кратчайшие сроки разобраться в этом деле, и если Качинского действительно хотели убить,

то нужно в кратчайшие сроки найти злоумышленника и обеспечить всем нам нормальные условия работы.

Зазвонил телефон.

— Корнев у аппарата!

Спустя несколько секунд полковник положил трубку на рычаг и, переведя взгляд на Зверева, сухо процедил:

— Только что позвонили из областной больницы. Час назад, не приходя в сознание, режиссер Всеволод Качинский скончался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Получив распоряжение Корнева подключиться к расследованию, Зверев спустился на первый этаж, вошел в отдел и увидел, что после его ухода к начальнику псковской милиции обстановка в отделе не изменилась. Евсеев с Гороховым начали очередную партию, причем на доске уже не хватало десятка фигур. Веня опять листал устав, а вновь прибывший стажер молча взирал на то, как Шура методично идет к неминуемому проигрышу, и явно скучал, не решаясь больше вмешиваться со своими советами.

Шурка Горохов сидел ссутулившись и был явно настроен на реванш. Он то и дело че-

сал затылок, яростно двигал ферзя и не особо успешно разменивал пешки. Евсеев молча оборонялся, казался спокойным, но Зверев тут же понял, что это неспроста. Любому мало-мальски опытному шахматисту было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что Евсеев готовит не в меру горячему сопернику ловушку.

— Финита ля комедия, братцы! Пришло время поработать, — рыкнул Зверев.

— Что? — не отрывая взгляда от доски, прогнусавил Шура.

Подойдя к шахматистам, Зверев двинул черного коня назад и тем самым помог Шуре избежать неизбежной «вилки».

— Ты что, самоубийца? Куда же ты лезешь?

— Василич! — взревел Евсеев. — Ну кто тебя просил, он же уже почти попался!

— Кто попался? Я? — Шура еще сильнее пригнулся к столу и стал чесать затылок. — Подожди... Так я же...

Зверев взял в руки белого ферзя и тюкнул им Шуре в темечко.

— Говорю же, убрали цацки — и слушаем!

Все тут же уставились на майора.

— Итак, худшие предположения сбылись — несколько часов назад в городской больнице скончался режиссер Качинский! Все указывает

на злой умысел, и нам поручено найти его отравителя!

— А его точно... того? — все еще таращась на шахматную доску, поинтересовался Горохов.

Зверев снова тюкнул Шуру по голове.

— Точно того или не того, я не знаю! Но если ты не оторвешься от своих шахмат, я тебя...

Шура тут же вскочил.

— Конечно-конечно! Какие уж тут шахматы, товарищ майор, я вас внимательно слушаю...

Спустя пару минут кабинет опустел. Веня в сопровождении стажера поехал в областную больницу поговорить с персоналом. Евсееву с Гороховым в сопровождении нескольких оперов из угро и кинолога Гены Логвина предстояло, уладив все процессуальные вопросы, провести в общежитии, где разместились московские гости, масштабный обыск.

Когда Горохов предположил, что деятели кино наверняка будут препятствовать обыску, Зверев посоветовал Шуре соврать, что, по имеющимся у следствия данным, не исключены повторные случаи отравления.

— Говори всем, что рицин — очень страшный яд! Так что помощь следствию — в их же интересах, — подытожил майор.

Сам же Зверев, учитывая его сегодняшнее состояние, и, как это у него обычно было принято, сильно утруждать себя не стал. Единственное, что он все-таки сделал, — это увел Головина в допросную и заставил толстяка написать список всех его коллег и подробно описать наиболее значимые события последних дней, которые могли быть полезны следствию.

После строгого внушения Зверев оставил Головина в одиночестве, а сам направился в столовую авторемонтного завода. Похлебав кислых щей и выдув три стакана компота с абрикосами, Зверев явился в дежурную часть и с молчаливого согласия дежурного по управлению старшего лейтенанта Лысенко прикорнул на диванчике в комнате отдыха дежурной смены. Там он проспал добрых три часа, после чего ему заметно полегчало.

Проснувшись, слегка опечаленный тем, что во время сна сильно помял брюки, Павел Васильевич умылся и вернулся к себе в отдел. Там его уже ждали.

— Василич, где ты ходишь? Мы уже целых полчаса тебя дожидаемся, — воскликнул Костин.

Зверев посмотрел на часы и устроился за столом:

— Что значит — где? Я со свидетелем работал.

— Это которого Арсением Ивановичем зовут?

— Чего?

— Я говорю про Головина! Про директора картины!

— Ну да!

— Вот. — Веня протянул Звереву объяснения и список московских гостей. — Тут вся съемочная группа и актеры. Всего тринадцать человек.

— Роковое число!

— Я бы не стал исключать из числа подозреваемых и самого директора.

Зверев бегло прочел список.

— Я, как ты знаешь, не суеверный, но пусть лучше будет четырнадцать. Итак, четырнадцать! Шесть из них — женщины.

— Намекаешь на то, что яд — оружие женщин? Ну хорошо, список я вижу, а где сам четырнадцатый подозреваемый, наш директор картины?

— По его словам, он целых два часа в допросной просидел, сильно возмутился, так что я его отпустил.

Зверев нахмурился:

— Напрасно.

— Это почему?

— Потому что он после смерти Качинского наверняка помчится в свою Москву искать нового режиссера, а мы его даже толком не допросили.

— Так я думал...

— Ладно! Черт с ним, с этим директором! Что сделано, то сделано. — Зверев, в душе признавая собственную вину, бегло просмотрел исписанный неровными каракулями листок и убрал его в стол. — Итак, чем порадуете?

Веня тут же затараторил:

— Первым делом мы, как и следовало, посетили больницу. Врач, ведущий Качинского, тут же подтвердил факт отравления. При этом он рискнул предположить, что отравили нашего режиссера каким-то там рицином.

— И что это такое? — уточнил Зверев.

— Белковый яд растительного происхождения. Он в шесть раз ядовитее, чем цианистый калий, — тут же вмешался Игорек. — Ригин из-готавливают из обыкновенной клещевины.

— А клещевина — что такое?

— Маслянистое декоративное растение. Все его части ядовиты и опасны для человека и животных.

Зверев вопросительно посмотрел на Костина:

— Это все вам доктор рассказал?

— Какое там? — возмутился Веня, кивнул на Комарика и оскалился: — Этот вундеркинд и без доктора все знал, еще и врачей поучать пытался.

Зверев повернулся к стажеру и наморщил лоб:

— Вам что, все это в школе милиции рассказывали?

Игорек, как это часто у него бывало, поправил очки.

— В специальной литературе прочел.

— Слушай, дружок, ты говорил, что у родителей живешь, а кем они у тебя работают?

— Папа — учитель литературы, мама — библиотекарь.

— Так вот почему ты у нас такой начитанный, — фыркнул Веня.

Зверев махнул оперативнику рукой, предлагая заткнуться.

— Ладно, с папой и мамой разобрались, а теперь скажи, где этот яд берут?

— При желании клещевину можно вырастить в обыкновенном парнике и после этого изготовить самостоятельно. Рицин представляет собой белый порошок без запаха и хорошо растворяется в воде.

— Так... что еще?

Веня хмыкнул и заговорил:

— После больницы мы решили заскочить в морг, куда уже увезли тело Качинского и где работает твой знакомый патологоанатом Геннадий Карлович. Так вот он тоже подтвердил, что в желудке у режиссера обнаружен этот самый рицин.

— То есть они уже и вскрытие сделать успели? — удивился Зверев.

— Когда я сказал Геннадию Карловичу, что прибыл от тебя, он тут же отложил все дела и занялся нашим покойником.

Увидев, что Комарик скривил лицо и закрыл рот ладонью, Зверев уточнил:

— И какие же дела он отложил?

— Он сидел возле распоротого женского трупа, держа в руках половинку батона, намазанного вареньем, и собирался пообедать.

Комарика передернуло, он издал булькающий звук.

— Вот, он и там себя так же повел, — довольный тем, что хоть как-то смог «уделать» этого выскочку-стажера, сообщил Веня. — Как только увидел мертвецов, тут же побледнел и выбежал на улицу.

Зверев рассмеялся.

— Что же ты, Игорек, не нашел литературу, в которой написано, как не бояться покойников?

— А я их и не боюсь, просто там такой запах...

— Ладно! Все ясно. Что-нибудь еще?

— Пока все!

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет вошли Евсеев с Гороховым.

— Прибыли, товарищ майор! Вот только порадовать нечем, обыск ничего не дал, — отрапортовал Горохов и пошел ставить чайник. — Проголодался я, слона бы сейчас съел!

Комарик снова издал булькающий звук и прикрыл ладонью рот.

— Чего это он? — глядя на стажера, поинтересовался Шура.

— Страдает, — улыбнулся Костин. — Мы ведь с ним после посещения больницы в пельменную завернули, а потом в морг. Когда наш Игорек познакомился с «пациентами» Геннадия Карловича, он тут же побежал на свежий воздух. До сих пор пельменями давится.

— Ладно вам, оставьте парня в покое, — приказал Зверев. — Яд вы не нашли, а выяснить что-нибудь важное сумели.

Евсеев сел за стол и сообщил:

— Опрашивать киношников ты нам не велел, вот мы и не стали их баламутить раньше времени. Единственное, что удалось выяснить, это то, что Качинский накануне своего отравления ничего не ел, ни вечером, ни с утра. Так что версия о том, что яд ему подсыпали в еду, исключена.

Зверев насторожился:

— Откуда такая уверенность в том, что он ничего не ел?

— Помощница его рассказала, Софья Алексеевна Горшкова. Пока мы рылись в ее ящиках, эта самая Горшкова сообщила, как бы между прочим, что Качинский страдал каким-то там... — Евсеев достал из кармана клочок бумаги и прочитал по слогам: — Га-стро-э-зо-фа-геальным рефлюксом. Вчера вечером у нашего режиссера случилось обострение этого самого рефлюкса. Горшкова нас уверила, что всякий раз, когда у Качинского обостряется этот самый рефлюкс, он ничего не ест... точнее, не ел. Вот и непонятно, чем он мог отравиться.

Комарик снова издал булькающий звук, прижал руку к губам и жадно втянул ноздрями воздух. Он дышал так часто, что Веня решил придержать при себе очередную издевку.

— Снова пельмени наружу просятся, — ухмыльнулся Веня.

Зверев цыкнул на подчиненного:

— Отстань от него! Так... Если Качинский накануне ничего не ел, это не значит, что он ничего не пил. Воду-то уж он пил наверняка, и, скорее всего, не только воду.

— Получается так.

Зверев хмыкнул:

— Как ты там говоришь? Какой там у него был рефлюкс?

— Гастроэзофагеальный!

— Что это еще за болезнь такая? Язык сломаешь!

Комарик, который наконец-то совладал со своими приступами, поспешно вставил:

— Гастроэзофагеальный рефлюкс — это изжога...

— Что? Изжога?

— Вот именно! Самая обыкновенная изжога.

Все снова посмотрели на Игорька. Тот начал розоветь и дышал уже ровнее.

— Так, подождите-ка... — Зверев осмотрел присутствующих и обратился к Комарику: — Как ты говоришь, выглядит этот ризин, которым отравили Качинского?

— С виду это обычный белый порошок.

— Без запаха и хорошо растворяется в воде?

— Совершенно верно.

Зверев беззвучно рассмеялся:

— А теперь скажи мне, вундеркинд, чем у нас обычно лечат этот твой рефлюкс?

— Изжогу? Есть какие-то препараты, сейчас я точно не могу ответить!

— Эх ты, знаток! Я не знаю, чем там у вас лечат твой рефлюкс, но знаю, как обычно избавляются от изжоги!

— Как?

— Изжогу лечат самой обычной содой! Ее едят ложкой и запивают водой или же растворяют в воде и пьют!

Зверев повернулся к Евсееву, тот кивнул:

— Точно, моя мама всегда так делает!

Зверев фыркнул.

— Здоровья и долгих лет твоей маме! А теперь скажи мне, Дима, что такое сода, точнее, как она выглядит?

Евсеев задумался, и тут его осенило:

— Белый порошок без запаха!

— Который...

— ...хорошо растворяется в воде!

— Правильно! — Зверев подмигнул Комарику. — А теперь вспоминай, Димка, не находил ли ты во время обыска у кого-нибудь из наших киношников соду?

Евсеев встал и глупо уставился на Горохова:

— Соду? Я?.. Ой...

— Я находил! — воскликнул Шура Горохов и тоже изобразил глупую гримасу.

— Где?

— У этой же самой Софьи Горшковой! У нее, как сейчас помню, на журнальном столике стояла почти полная пачка.

Зверев строго посмотрел на Горохова:

— Так. Шурик, не выключай плитку, чай для вас с Димкой пока что отменяются.

— Только для нас?

— Для вас! Мы с Веней и Игорьком будем чаевничать, а вы, горе-поисковики, поезжайте обратно в общежитие и тащите сюда эту самую Горшкову вместе с ее содой.

* * *

Отрешенная и бледная как мел, Софья Горшкова сидела на табурете и трясущимися руками держала стакан с водой, который ей заботливо подал Комарик. Зверев сидел на крышке стола и отбивал пальцами барабанную дробь. Комарик с Костиным стояли у окна, а Шура Горохов за столом писал рапорт о проведенном задержании.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошел улыбающийся Евсеев. Он подошел к Звереву и положил на стол заключение экспертизы: